

М.асламов

пристрастие

М. АСЛАМОВ

ПРИСТРАСТИЕ

Стихи

Хабаровское
книжное
издательство
1973

P 2
A 90

7-4-2
26-73

...Чтоб поднималась жизнь к вершине
Сквозь все препоны и века.
Чтоб сочленение машины —
Как сочинение стиха!

ПЕРЕВАЛ

Г. Граубину

Стой, шофер — лихач бывалый,
Трижды пуган крутизной!
Перед самым перевалом
Пункт
 контрольно-пропускной.

Не гляди с ухмылкой, криво,
Снегирева Кольки брат!
Можно запросто с обрыва
Вслед за Колькой в аккурат.

Техосмотр.
 Глотая ропот,
Черта руганью не зли:
Самолично этот штопор
Им закручен в глубь земли.

По его крутой спирали
Заползаем в облака.
Тормоза бы вдруг не сдали
Да не дрогнула б рука!

На последнем напряженье
Нестерпим моторный вой.
Дьявольское искушение —
С маху в пропасть головой!

...Сник подъем на повороте,
Ну теперь полегче — спуск.
Только в сердце побороть бы
Дикой скорости искус!

Да еще — держи педали!
Разнесет наверняка! —
Тормоза бы вдруг не сдали
Да не дрогнула б рука...

Все. Спустились.

Дальше — скатерть,
Можно ехать налегке.
Что-то прыгает некстати
Папирочка в руке.

Шмыгнул носом: «Ну и шельма!»
А теперь давай, гони!..
Что так смотришь

задушевно
На инспектора ГАИ?

Что так едешь,
словно тропкой,
Неторопко, не спеша?
Знать, товарищ мой неробкий,
Не пришла в себя душа.

Мы еще с тобою в силе,
И в глазах еще — гроза!
Только б нас не подводили
Сердце, руки, тормоза...

ЧУКОТСКИЙ ДНЕВНИК

Июнь исходит.

Улетаю.

Бьет реактивная струя...

Туда —

где лед в морях не тает,

Как понаслышке знаю я.

Где, как ладонь, открыта тундра

С бесовским посвистом ветрам.

Там, говорят, живется трудно.

Там...

Что откроется мне там?

А самолет, как от щекотки,

Затрясся, в облако войдя...

Чем заманила ты, Чукотка,

Друзей — законченных бродяг?

В чем убедишь?

В чем разуверишь?

С каких на мир глядишь вершин?

Каким аршином жизнь ты меришь?

По мне ли будет тот «аршин»?..

Мне те вопросы — как торосы,

Которые не обойти.

Вопросы — словно бы с утеса

Подталкивают: лети!

I

— Брось понапрасну время тратить

На всю на эту маету! —

Так отговаривал старатель
Меня в анадырском порту.

Он после выпитой «зубровки»
Был сам угрюмым, как бизон,
На день восьмой командировки,
Когда в разгаре
 промсезон!

— Ты, точно ангел, полетаешь, —
Он злился, явно ни с чего, —
Но только фигурки узнаешь
Ее ты больше моего!

И выворачивал он
 фигу
Коряво, смачно, от души.
— Ты полопать ее, сквалыгу,
А хошь — так после напиши...

Ты прав, старатель.
 Что судачить,
Как воду в ступе задарма.
Я сам «лопачу» — чуть не плачу,
Да «золотишка» вот — нема...

Земля не примет, не согреет,
Не возведет к своей судьбе,
Пока в работе не сопреет
Вконец рубаха на тебе.

И ты на прииске Отрожном,
И я в своем углу берложном —
Мы в этом деле знаем толк!

Но становился неотложным
Мой путь на северо-восток.

Лишь убедиться бы пока мне,
Что и у северных широт,
Где жжет мороза жуткий пламень,
Где не выдерживает камень!
Единомышленник жи-вет!

II. Капитан порта

С. К. Г а с с е

Я на пост его с робостью школьной
Поднимаюсь в певекском порту...
Что вам с вашей видать

колокольни

На полярном на блеклом свету?

В окулярах бинокля морского
Что вам видится, мой капитан?..
Ледовитым до судорог скован,
Пробивается в порт караван.

А быть может, щербатой чертою
Горизонта привычно скользя,
Он увидит нежданно такое,
До которого выплыть нельзя.

И наивное старое фото
Память дерзкая вдруг оживит —
Гордый первенец
Красного Флота —
Выйдет в плавание сторожевик.

«Красный вымпел» — с обводов паряще
Над дорогами бед и побед.
Там веселый сигнальщик
 таращит
Удивленные очи на свет.

До Камчатки в дороге зыбучей
Он еще накачается всласть.
Он заморского гостя научит
Уваженью,
 Советская власть!

...Норд в загуле... В июле...
 По-рядок!
И спеша отыгаться сполна,
Лупит Арктика
 снежным зарядом,
Беспощадная, как война.

Что-то было подобное раньше...
Разгулялась шрапнель за окном...
Разворачивать надобно
 тральщик
Под прицельным фашистским огнем!

И щетинятся брови жестоко,
И неистов осколочный свист...
До чего же мне видно
 далеко
С колокольни твоей, коммунист!

Не изгибы тропинок окольных,
Средь трех сосен и вновь — до крыльца.

Революции

пусть ледакольный

Открывается мне до конца —

Сквозь арктическую непогоду,

Осененный звездой труда!

...Нынче в полдень

на чистую воду

До Певека пробились суда.

III

Покинул землю самолет...

Певек, прощаюсь.

В иллюминатор

солнце бьет...

Не омрачайся!

А сквозь моторы —

птичий гам,

Галдеж в салоне:

«Галчата»

к южным берегам

Летят с Айона.

И полулежа я гляжу

На ребятишек,

А мысленно

еще брожу

По тундре рыжей.

Как жилочка,

наискосок

По тундре речка...

Стрелой из лука —

голосок

Взорвался резко:

«Смотрите, лес!» —

кричал пострел

Под визг девчонок,
И на плечи мои взлетел
Сосед-галчонок.

«Лес! Лес!» —

зашелся самолет

От криков звонких,
И словно зайчики — взлетел —
Вокруг глазенки.

И я

глазами лес искал,

Оставив кресло.

А там — кустарник протекал...

А где же лес-то?

Средь зеленеющих плешин

Темнела хвоя...

Но — «Лес!» —

кричали малыши,

На креслах стоя.

На креслах ли?

На мерзлоте,

На той, на вечной!

В полярной жгучей темноте,

Где звезды — свечкой.

На обожженном валуне,

На льдине стылой!

И потому-то им —

не мне,

Виднее было...

И думал я,

до глубины

Души растроган:

Неужто же

отделены
Полярным кругом
Они
от черствости души,
Как юг от стужи?..
Кричите громче,
малыши,
Чтоб знать, что нужен
И вам, и мне
Полярный круг —
Высотным валом,
Чтоб лучше виделось вокруг
Большое
в малом.

IV

Промприбор породу гонит,
Лента движется, дрожа...
Лучший спец на полигоне,
А в глазах у Славки ржа.

Говорит он так печально
(А в душе-то материт):
— Отпусти меня,
начальник,
Отпусти на материк!..

Вот беда еще свалилась!
С планом форменный завал,
Ну, а тут — скажи на милость! —
Человек затосковал.

Тундра марево колышет,
Тянет гарью торфяной.

Только Славка
Волгу слышит,
Спелый запах травяной.

И начальник — хитрый-хитрый,
Он и сам на Волге рос,
Говорит он:
— Сопли вытри!
На пять дней — на сенокос!..

Улетишь с бригадой, Слава,
В лесотундру — не горюй!
Там ведь тоже
в пояс травы,
Там не Волга, но — Анюй!

Отобьешь косу,
отыщешь
Косовище по руке —
И пойдет коса,
засвищет,
Точно рыбка по реке!..

Наломает косовица
Руки Славкины в плечах,
И на сердце
отстоит
Накипь серая — печаль.

А когда уже крестьянин
Разомнется на косьбе —
Так потянет,
так потянет
Прииск мастера к себе!..

V

Небосвод насквозь промок,
А в денек ведренный
Синь-слезу в горючий мох
Выплакал приветливо...

Как зовут тебя, цветок,
По имени-отчеству?
С ноготок всего росток —
Пожалеть хочется.

А жалеть — не резон,
Не унизь, жалея!
Ибо тундра — не газон,
Не оранжерея.

Тундра влагой налита,
Чаем перегретым...
Здравствуй, молвлю, красота,
На краю света!

Как пурга тебя секла —
Да не выкосила.
Перекрашивала мгла —
Да не выкрасила!

Сквозь такую маету
Пронесла нежность...
Видно, крепко красоту
Корешки держат.

VI

Явившись вдруг,
Как вынырнув из тьмы,
Он мне с порога заявил:
— Мир — чуден! —
А вынырнул-то
Из кромешных буден,
Из суматохи, спешки, кутерьмы.

И сгинул вновь —
Едва набрался сил, —
Чтоб истиной порадовать:
— Мир — красен! —
Как будто был
Не на колымской трассе,
А где-то по курортам колесил.

Чудак —
Он вечно так вот.
Он таков,
Что дают коммунальные услуги
Его, как лошадь дикую —
Подпруги...
Неужто нет оков
Для чудаков?

А видно, стало не в чести —
Брести
Обочиной.
И каждый озабочен
Не тем,
Что вот забор, мол, скособочен,
А как бы все заборы
Поснести!

VII

И неходко, но в охотку,
Где на крыльях, где пешком,
Я мотаюсь по Чукотке,
Точно лесом с туеском.

Собираю быль и небыль —
Что отбросить, что поднять?..
Что мне надобно?

А мне бы
Душу той земли понять.

Вот вернусь — расспросов будет!
Мне друзья надоедят:
Каковы там, дескать, люди?
Чем живут и что едят?

Хоть не точно, но отвечу
(Точно — просто не берусь,
Так как
встречным-поперечным
Я Чукотке прихожусь):

Меря тундровые дали,
Замерзая и кайля,
Люди здесь такими стали,
Как сама она, земля.

А земля — она такая:
Вся промерзлая насквозь.
Слабостям не потакает,
Не прощает жизни врозь.

МЕСТНЫЙ ПОЕЗД

Ах, этот поезд дерзкий,
Ему — хоть под откос!
Ни дать ни взять —
курьерский,
Когда вожжа под хвост!

Тот плавлен так —
на зависть
И важен так на вид.
А этот же, мерзавец,
Вприпрыжку норовит.

Сосед во сне елозит,
Трясет — невмоготу.
Наверно,
 паровозик
Шурует на спирту.

Но,
в слабости вникая,
Сказать я должен здесь:
Какая-то
такая
В нем прелесть все же есть.

Он так людям напичкан,
Что не ступить ногой!
Но он
 демократичней
От тесноты такой.

Тут жизнь встает в натуре
Из мешанины слов
В людской
 аспирантуре
Тех, местных, поездов.

А то вот, как с разбега
Да в омут, канешь в сон —
И явится
 телега
С травой или овсом.

Трясет ее проселок,
И конь бренчит уздой,
И ты — такой веселый,
К тому же — молодой!

Луга да перелески,
И не в беду — беда...
Такие сны
 в курьерских
Не снятся никогда!

Поверите, быть может,
А может быть, и нет...
О боже!
 С полки все же
Свалился мой сосед!

* * *

*Но за существование бороться
Совсем иным оружием предстоит.*
А. МЕЖИРОВ.

Как лучины, он строчки строгал.
Торопился. Поймите поэта:
Может, срочно строчил мадригал?
Или стихотворенье в газету?

Все мы в средствах порой стеснены,
Да и слава не ждет на подушке...
Он спешил.

На него со стены
Удивленно поглядывал Пушкин.

Гладко слово за словом текло,
Но за три сантиметра до точки
Задрожало от гула стекло
И нервически дрогнули строчки.

Что напомнил ему самолет,
Совершавший крутой обмолот
Средь созвездий под гром и сполохи?
Не с того ль изменился в лице,
Что представил безжалостный цеп
И крестьянские руки эпохи?..

И во тьму удалялись спеша
Три огня, словно знаки знаменья,
Словно б это живая душа
Отлетала от стихотворенья...

* * *

Когда душою чувствуешь: устал,
Готов себе сказать:

довольно маяться!

Когда строка упрямая ломается,
Как на изгибе лопается сталь,

Так хочется в наплыве этих бед,
Чтоб кто-то поддержал тебя, порадовал...
Товарищ мой,

на этот случай адовый

Пусть будет дан тебе, как мне, сосед.

Вот слушаю:

в ночи, как будто марш —

Прорезались из гула трубы медные,
То словно вздох перед ударом медленный...
Я узнаю тебя, «Энергомаш»!

Неукротим ты, верный побратим!
И мысль прожжет мою беду неспящую:
Мы оба

улучшаем настоящее.

Над будущим работаем мы с ним!

* * *

Тоскуют руки по металлу.
То вдруг, шагавший налегке,
Мальчишкой с ледышкой талой,
Замру с железкою в руке.

То вдруг завода бас могучий
Так позовет, что нету сил...
Я даже пишущую ручку
Себе железную купил.

Тоскуют руки — до испуга:
Что делаю? И — для чего?
Как будто бы сбежал от друга,
С которым всякого всего...

Был спор на уровне высоком,
Где делать нечего льстецу.
О, как он бил меня жестоко
Каленой стружкой по лицу!

И сам до белого каленья
Я доводил его и мямл
Под молотом,
и в одаренье
Для новой жизни закалял.

И вышло, что сработал честно,
Коль так скорбит теперь душа?
Неужто
по живому месту
Меж нами трещина прошла?

АМУРСК

Индустриальный пейзаж

Стих мой, бойся укора острого,
Слов захватанных избеги...
Но поистине —
 белым островом
Этот город среди тайги!

Я вошел в него
 с тайным трепетом
В изначалье большого дня.
Кедры древние
 детским лепетом
Обнадеживали меня.

И — как будто волною бережно
Подхватило легко-легко.
Распахнулась с крутого берега
Даль немислимо широко.

И дробилось солнце в Амуре...
И подумалось: надо быть
Архи-дурой
 архитектуре,
Чтоб такое не полюбить!

А она-то — какая умница!
Вот, средь белых камней — река,
Вдаль стремится
 сквозная улица,
Точно пушкинская строка.

ЗЕЯ. 13 ОКТЯБРЯ 1972 ГОДА.

Репортаж

Было все, как по заказу:
Даль насквозь открыта глазу —
Голубое с молоком;
Свет неярк и рассеян,
И тянуло вдоль по Зее
Уж предзимним холодком.

Со штабной высокой башни
Открывался день вчерашний —
Котлован, быки, мосток...
С двух сторон застыли плесы,
И в проране безголоса
Бился бешеный поток.

Там для армии ударной
Подготовлены плацдармы —
Предстоит нелегкий бой.
Берега могуче сдвинув,
Весь нацелен на стремнину,
Всею техникой — ГЭСстрой.

Это значит — панорама.
И сюда, поднявшись рано,
Шел народ, денечку рад:
Шел монтажник и бетонщик,
Сварщик шел и с ним дотошный
В паре праздничной прораб.

От столовой той, у створа,
Что и названа — «У створа»,
Между всеми шел и я —

Шел, прислушиваясь чутко
К разговорам, прибауткам,
К звукам начатого дня.

Мастера... На них, не скрою,
Все стандартного покроя —
Строго, чисто, как все мы.
Что-то их, таких, однако,
От залетного зеваки
Отличало, черт возьми!

Парень вот — как будто сонный,
В пиджачке не по сезону,
С виду тихонький такой.
Но идет — вразвалку, сочно,
Словно пробует на прочность
Эту землю под ногой!

Разбираться начинаю:
Ведь земля-то — насыпная!
Он — уже который год! —
Намывал ее, родную,
На ветру на стылом днюя
И ночуя, коль прижмет.

Для плотины?
Для плотины.
Заплатили? Заплатили —
«Тети-мети», дунул — нет.
Усмиряя зейский норю,
Для себя намыл опору
Он с запасом на сто лет!

Это был такой экзамен!
Но какой сложил фундамент

Он под жизнь свою зато!..
Был бы ты умен да кряжист —
Жизнь еще навалит тяжесть —
Упереться бы во что!..

Натянулось время тонко,
И капризного ребенка
Уговаривала мать:
«Ну, не плачь.
Ведь ты мужчина!
Подожди, сейчас машины
Будут камушки кидать...»

«Приступить!..» — В тот миг из штаба,
Угодить мальчонке дабы,
Хрипло брошен был приказ.
Весь в плакатах, тих и кроток,
Взвыл на полных оборотах
У прорана первый КРАЗ!

С полной выкладкою ладно
Развернулся, чуть парадно,
И пошел на Зею задним
(Зея, ты не обессудь!)
И на самом на откосе
Поднатужился — и сбросил
Глыбу в муторную муть.

Брызги веером взметнуло,
Словно глыбой той замкнуло
В желтой глубине провода.
И откликнулся — под током! —
Берег весь единым вздохом,
И в разгар пошла страда.

Шли с нагрузкою предельной
Мощно, дружно и прицельно
Самосвалы на проран.
Монолит за монолитом.
Ревматически-сердито
Весь скрипел подъемный кран.

А толпа поднапирала —
Под колеса самосвалов!
Любопытно — хоть убей!
И выкрикивал над нами
Хриплым голосом динамик:
«Уберите же людей!»

А в сторонке на припеке,
Под стернею рыжей щеки,
Под шапчонкой волос бел,
Дед стоял, напряжив выю,
И на все дела мирские
Немигаючи глядел.

Он о чем, сутулый, тощий,
Потрясенный этой мощью,
Думал, зейский старожил?
Разобраться ли пытался?
Или с чем-то расставался,
Чем так трудно дорожил?

Здесь на матушке на Зее
Он охотился и сеял.
Он — хозяин. Мы — в гостях.
Кожей, сорванной с затылка,
Сердцем, выстуженным пылко,
Болью в ломаных костях

Помнит он ее, паскуду,
Ей, владычице, подсудный.
Ну, а жизни-то — в обрез.
Нынче ж вот она — плотина,
Значит, крест на все стремнины!
(И на молодости — крест...)

Как тебя река мотала,
Словно был ты из металла,
Глупый парень имярек!
Чтоб вдолбить в башку тупую
Эту истину простую:
«Паря, ты ж ведь — человек!»

Жизнь твоя текла полого,
Стала — Зеей на порогах,
Черту б голову свернул!
И с горячей зейской страстью —
Страх в кулак, а сердце настежь —
В революцию нырнул...

Продолжалось перекрытие:
В ритме строгом, чтоб — без прыти,
Неуклонно дело шло,
Хоть поток еще был грозен,
И заносчивый бульдозер
Отломил свое крыло...

Как вас бьют и учат реки,
Люди, люди — человеки,
Чтобы все — наверняка!
Словно б так и было сроду:
Вы — энергию народу,
Вам энергию — река.

И уже в людском заторе
Теле-,
 фоторепортеры
С помощью локтей и плеч
Пробивались ближе, к кромке,
Чтобы, выбрав «точку съемки»,
Все как есть запечатлеть.

Выбрать «точку», — вот загвоздка!
Чтобы правда вся, без лоска,
А за ней — зари полоска...
Перспектива чтоб видна!
И подумалось с обидой
Мне о грешных нас, кто видит
Жизнь все больше из окна.

С этой «кочечки» обзора
Перспектива — до забора
(И в столице, и в селе).
Вон сидит в окне домашнем —
Терпелив, как червь бумажный,
С тяжелой думой на челе.

Тишь да гладь, совсем тверезый,
И конечно, музы, грезы
Не обходят и его:
Даль. Мужик... Петух на прясле...
Ерунда на постном масле...
Впрочем — мало ли чего!

А сквозь этот мощный рокот
Кто услышит райпророка,
Твой писклявый голосок?
Докричится, может, Муза,

Уже иному дню навстречу
От Зеи двинулся народ.

Уже, спеша, начальник стройки
Гостей высоких провожал.
Меня ж — как будто голос строгий.
У котлована задержал.

Как будто ото всех в сторонке,
Хотелось, точно на меже,
Испить минуточки негромкой
Моей взволнованной душе...

Внизу дорогой обновленной,
Уже отныне на века
Поверх механики бетонной
Катила тихая река.

И мысль пришла, как бы некстати,
Без связи видимой прямой:
Не так ли время ходко катит
Поверх истории самой.

И в то же самое мгновенье
Свершила память свой вираж,
Напомнив тот,

о затопленье

В газете местной репортаж.

Писалось в нем, что перед тем как
Заполонить воде нутро,
Туда веселый кто-то

«в темпе»

Доставил с краскою ведро.

И тут же кисти замелькали —
Для дела красочки не жаль!
И за мгновенье блоки стали —
Точь-в-точь, как некая скрижаль.

Хотелось каждому — ведь строил! —
Там расписаться от души,
Хоть было ясно:

Зея скроет,

И тут — пиши иль не пиши...

Гремели рядом самосвалы,
Дышала свежестью река...
Но почему так взволновала
Меня газетная строка?

Не в том ли счастье —
расписаться
На стенке будущего дна?
Как будто с чем-то
рассчитаться
Во имя будущего дня!

И словно бы туман растаял —
И вот он, близок и знаком,
Солдат
выводит на рейхстаге
Свою фамилию штыком.

Он шел сюда от Сталинграда,
Чтоб расписаться под чертой...
Ее заделали, как надо,
Ту роспись, краской непростой.

Но тот солдат,
 как есть — обычен,
Ее в трудах превыше сил
Такою славой возвеличил,
Такою кровью оплатил,

Что никакой гранит не скроет,
Не смоем никакой водой:
Затри — она проступит кровью,
Разбей — она взойдет звездой!..

Так думал я. А солнце ровно
Всходило в полдень.

 И, вольна,
Поблескивала Зоя, словно
Светились надписи со дна.

* * *

Живуча тяга к упрощенью!
Не надо лысину скрести,
Чтоб праздничное угощенье
К селедке будничной свести.

Чтоб подменить лазурь —
глазурью,
Семейно чашками бренча,
Чтобы любовь
с благоразумьем,
Икая сыто, обвенчать.

«Мудрец-то — лезет вон из кожи,
В каком-то атоме утоп.
А мир — он тоже ведь не сложен,
Разбейте только микроскоп...»

Вот так.

Он тоже «знает дело».
И хлеб свой ест не задарма.
Не раз растерянно бледнела
Пред ним история сама,

Когда он, чуточку парадно,
Обрушивал — и не шутя! —
Секирой тяжкою
параграф
На узел гордиев бытия.

Рубил и рубит. Но упрямо
Не поддается жизнь ему!
И вслед за первым словом «мама»
Кричит ребенок — «почему?!»

ПЕРВЫЙ ПОЛЕТ

Внизу, у горки ледяной
Смешной малыш в могучей шапке
Стоит, поеживаясь зябко,
Прижавшись к матери спиной.

Гора страшна. Но есть закон
Мужской.

К тому же мама подле...
И мысленно себя на подвиг
Сейчас настраивает он.

Вот, пересиливая страх,
Восходит, мамой поощряемый,
Ручонкой машет на прощание
С неясным трепетом в глазах.

Вступает на покатый лед,
Ложится на спину неловко,
Скользит, отталкиваясь робко,
И — начинается полет!

Движение кружит малыша,
Срывает шапку ветер встречный!
Уже хохочет мать беспечно,
На помощь весело спеша.

Поднялся. К матери приник.
В глазах — восторг и удивленье...
И вновь уже через мгновенье
К вершине рвется напрямик!

О мать!

Верни его скорей!
Зачем улыбкой поощряешь?
Себя тем самым приобщаешь
К извечным мукам матерей.

И голос матери звучит

И остается без ответа...

Теперь

от скорости и ветра
Его вовек не отлучить.

* * *

Плывем,
как будто в день вчерашний,
По Кизи-озеру с утра.
Вдали знакомо и миражно
Виднеется Шаман-гора.

И — тишина.
Туманы тают,
Яснеют горные верхи...
Матрос-мальчишка мне читает
Свои ударные стихи.

Как грешник в ангельское пенье,
Блаженно вслушиваюсь я
В его
округлые сужденья
По всем вопросам бытия.

И головой в ответ киваю:
Понятно, мол, земля — кругла...
Еще пологая кривая
Ему понятнее угла.

Еще до времени состарят
Его неровности земли.
Еще судьба ему подарит
Тоску по Родине вдали.

Все это будет...
А пока же

Он драит палубу легко.

А палуба —

она поката,

И то, что будет,— далеко...

ОЖИДАНИЕ

Вглядитесь,
Как люди полны ожиданием!

Ждут робкие девочки
Первых свиданий;
Сентябрьских открытий —
Душа первоклассника;
Рабочие ждут
Пролетарского праздника.
Ребенка
Тревожно ждет тихая женщина...

Так каждому
 что-нибудь
 в жизни
Обещано.

Ждут люди:
Девчонки зубрят без умолку
Стандарты признаний
Различного толка;
Оснастку для школы
Опробовал шкода;
Все выше
Рабочие темпы завода.
И женская грудь
Молоком закипает...
Ждут люди.
А может быть, наступают?..

Как терпко пахнет
 и щемяще хвойно
В день памяти вечнозеленый куст!
Как жизнь сама,
 в которой — труд и войны,
И все-таки — счастливая на вкус.

* * *

Твои цветы поотцветут...
Желто от листьев в переулках.
И скоро-скоро обретут
Лес — тишину,
Пространство — гулкость,

Когда способна тишина
Речь низвести до междометий,
Когда на жизни всей видна
Мгновенья тень в неброском свете,

Когда засохнет трын-трава
И не взойдет, как прежде, снова.
И давят на сердце слова
Всей тяжестью пережитого...

ВСТРЕЧА

Вот так встреча выпала!

Словно

Зыбкой памяти узелок,
Этот, в царстве металлолома,
Покореженный дизелек.

Время память промыло, просеяло,
Но осталось в ней навсегда:
Уходящие в море сейнеры,
Тех, военных времен страда.

Слышу — выхлопы,
 точно выстрелы,
Вижу — черный над морем дым...
Тоже в жизни досталось выстрадать
Этим дизелям судовым.

Как их било!

Как их калечило!

Им ломало валы коленчатые,
Разбивало вдрызг шатуны.
А питались? Соляр недосыта...
И, как с фронта солдаты в госпиталь,
Уходили в ремонт они.

Их не в «госпиталь» бы,

а в «морг» бы...

Я другие припомнить смог бы:
Масль ленд-лизовская — хороши!
Есть взглянуть на что и похвастать.
А ресурс отстучали — баста!
Словно вправду — не той души...

Эти ж,
латаны-перелатаны,
Вновь вытягивали за троих...
Перед эрой
ракетно-атомной
Гордость в сердце моем за них.

Словно бы над могилой братской
Другу павшему
молвлю: «Здравствуй,
Друг, над временем прям и чист...»
Над солдатской могилой без имени...
Но еще на дощечке фирменной
Марка светится — «Коммунист».

* * *

Где-то залпы били
прицельные...
А совсем от войны далеко
Похоронная шла
процессия,
На погост унося рыбаков.

По отцу-океану
сродники,
Шли в рыданиях вдов и невест.
И в четыре трубы без роздыха
Скорбно жаловался
оркестр.

И в звучанье его безвыходном,
По-рыбацки упрям и суров,
Барабан проступал,
как выхлопы
Уходящих в море судов...

Схоронили их честь по чести:
Пять гробов поставили вместе
И одну им на всех
из жести
Укрепили звезду в головах.

Расходились.
Уже смеркалось.
Рыбаки неловко сморкались,
Папироски мяти в зубах.

Все покуривали,
 да покашливали,
Да еще, бередя тишину,
Мягко волны
 берег заглаживали,
Как заглаживают вину...

ХРОНИКА ПАМЯТИ

I

Вспоминаю ту беду...
А беда была такая:
Вдруг сгорела мастерская
У поселка на виду.

Прахом все пошло, золой.
Крыши нет, остались стены.
И поземкой
 год военный
По-над стылою землей...

Говорил без лишних слов
С нами начполитотдела:
Дескать, надо
 «дело делать»,
И еще, что «фронт ведь ждет!».

Хоть и мал — беру в расчет:
Жди, пока накроют кровлю,—
Фронт за это время
кровью
В ожиданье истечет...

Под рукой станок поет,
Он поел и сыто дышит...
Хорошо б, конечно, крышу,
А на бедность — допнаек.

По еде затосковал,
Зазевался — и в науку

«Приварил» к металлу руку —
Пальцы с кровью оторвал.

Мастер — ма-астер пожалеть!
Дал картошину: «Пожуй-ка!»
Греет белый свет
 «буржуйка»,
Да не в силах отогреть.

Эх, беда и есть беда!..
Вот уж лампой в полнакала
Удивленно засияла
Вега — странная звезда.

Может, где-нибудь в окоп
К брату старшему заглянет?
Может быть, на нас
 вегяне
Смотрят в сильный телескоп?..

И смотрю я на звезду...
В пору выплакать обиды,
Да не вправе
 слабость выдать
У Вселенной на виду.

II

Мальчишка спит.
Как будто на лету,
Уже вконец измученный полетом,
Он выпал все же
Из круговорота

На крышу «фотографии»
В порту...

Спит пассажир.
Фонарный зыбок свет.
И над землей —
Туманно и тревожно.
И сны его туманны.
И надежно
Защит в подкладку пиджачка
Билет...

Медлителен в кружение
Шар земной,
А крепко же мальчишку укачало...
Под чье он попадет теперь
Начало?
Он,
Рассчитавшись с мировой войной?..

Край неба начинает розоветь.
Пусть он поспит
Перед дорогой долгой...
Как гонит жажда
Вновь вгрызаться в догмы
И жадно в рот учителю смотреть!

Не пожалел
И хлебного пайка
За проездной билет
На темном рынке!..
То не над ним
В ночи рыдает
Рында.

Но — бог храни
Подкладку пиджака!

III

Походкою валкой из бухты
Уходят на лов сейнера...
Все давнее вспомнил,
 как будто
Все начато было вчера.

Не то ли мне душу печалит,
Что так же вот, мал-человек,
Как сейнер от пирса,
 отчалил
От детства, но только — навек?

Хочу напроситься на жалость?
Но мне ль обижаться на то,
Что куцее детство досталось?!
Война
 обрубила швартов.

Спасибо, что чашею бедствий
Судьба меня не обошла...
А в памяти кружится детство,
Как лодочка
 без весла.

И кружит ее, и заносит —
Такая большая вода! —
Из ранней весны
 да и в осень,
Как это и было тогда.

И волны вздымаются круто,
И ветер призывно свистит,
И вымпелом,
 сорванным с юта.
Прощальная чайка летит.

ХЛЕБ

И я, как все, и голодал и слеп
От голода — была пора военная.
Как что-то

 не совсем обыкновенное
Я и сейчас воспринимаю хлеб.

Он, оттесненный в нынешнем меню,
Был — как судьба,
 в которой доля бабья,
Что падала измученно, ослабло
На бледную от немочи стерню.

Я женщин помню...

 Страшный обмолот
Вершили их защитники-мужчины.
И с лицами, от голода мучными,
Кормили хлебом женщины народ.

И тыл, и фронт...

 И может, потому,
Что хлеб впитал их слезы и тревогу,
Мы,
 точно сострадательному богу,
Так поклонялись горькому ему...

* * *

Когда от гари
Очищались дали
Под тот победный
Праздничный салют,
Нам Родина
По бронзовой медали
Вручила
За военный тяжкий труд.

«За доблестный...»
Все выбито, как надо.
Но в грудь свою
С бахвальством не стучи.
По правде-то,
Не ярок блеск награды,
Ведь, почитай,
Весь тыл и получил.

Но в том и смысл
Победы небывалой,
Возвысившей Советскую страну:
Мы победили —
Значит, было мало
Недоблестных
В ту грозную войну.

ПЛАНОВИК

Та давняя пора
Авралов и запалок:
В ходу выговора — выговора
И перегибы палок.

Полмесяца — плюем
Мы в потолок — не жалко!
Полмесяца — «куем»,
Да так, что небу жарко!

Так штурмовщина нас
Трепала год от году,
А мы — рабочий класс,
Нам подавай работу!..

Ах, этот плановик,
Чудак по кличке «циркуль»!
Он был для нас на вид
Смешней Попова в цирке.

Мы требовали жертв,
Суровые, как боги!
Он приходил — как жердь,
Сухой и длинноногий.

И слушал нас молчком,
Покачиваясь горько.
И по цехам — волчком:
Простаивает сборка!

Просил, кричал, стращал:
Детали нам, детали!

И полы от плаща
По-демонски витали!..

Глядишь, опять домой
Уйдет он поздно-поздно,
Когда над головой
Уже заблещут звезды.

Ругай его, жена!
Все это верно, верно...
А на земле — весна
И ветер пахнет вербой.

Бегут, мелькают дни,
Как на толкучке лица.
«Как выросли они!»
Он детям удивится.

Усталость — наповал,
Размягший, как вареник...
Жестоким был накал
Поры послевоенной!

А кто б, скажите, мог
В ту пору жить иначе?..
И кто-то пережег
Себя в страде горячей.

Мы вспомнили о том,
Печалась — не печалась,
Когда с плановиком
Уже навек прощались.

* * *

Только встретились — надо прощаться...
Так, должно быть, угодно судьбе.

Но навек,

Петропавловск-Камчатский,
Этой встречей обязан тебе.

Было все и светло, и непьяно.

На прощание друг-офицер

Толковал мне про тот,

в океане,

Разделяющий страны барьер.

Не стена, что вздымалась бы круто,

Ни столбов, ни шлагбаумов, но...

— А к барьерам идут не для шуток,

Что поэтам известно давно, —

Так, скорей немудрено, чем мудро,

Отшутился, вдыхая покой,

Офицер, уходящий под утро

На охрану границы морской.

Говорил он немного жалейно,

И в глазах огонечек рябил.

Но, вы б знали,

каким он железным

И веселым на мостике был!

Там, далеко-далеко от берега,

Где не плавает птица баклан,

— Ну-ка, где она бродит, Америка? —

Он взглянется в радарный экран.

Только пятнышко. Точечка.

Сетью

Координаты ее оплели

На экране. А может — на сердце?

На просвеченном сердце земли.

Это рядом, во тьме без просвета,

Путь патрульного судна лежит.

Словно черный зрачок пистолета,

Что на уровне сердца дрожит.

Там умеют под возгласы «дружба!»

Выверять для удара прицел...

— Ухожу. Понимаешь ли, служба, —

И со стула встает офицер.

— Ну, до встречи...

— Конечно, до встречи!

Мы еще повидаемся, верь...

И уже — плащ-палатка на плечи,

И, как выстрел, ударила дверь.

За окошком тревожная темень.

Мне и гордо, и больно: а вдруг?..

Ведь всегда между мною и

те м и ,

В дождь и темень, упрямо — мой друг.

ЗВЕЗДЫ

Где проходит граница,
Чисты первозданно снега,
Безбоязные птицы
Творят вековые обряды.
Где проходит граница,
Застыла река в берегах,
И сквозит через чашу
Лыжня
Пограничных нарядов.

Пограничный наряд
Не спеша и сторожко скользит...
Ты, граница, позволь
На минуту им
Остановиться.
Ты поэта прости
За непрошенный этот визит,
Так мне надо взглядеться
В морозом каленые
Лица!

Ах, какие они молодые!
По сколько же им?
Ах, как ладно сидят
Полушубки на них
Меховые!..
Вот такими они
Представлялись солдатам,
Другим,
Не убитым еще

В незабытые
Сороковые...

За плечами у них
Жизнь —
Как утренняя синева!
Жизнь, как поле, они
Первым потом едва оросили.
Там еще для любви
Не придуманы даже слова...
За плечами у них
Обнаженное сердце
России...

Вот отслужат они —
И такое начнется тогда!
И работа вздохнет,
И любовь
Позавидует сказка!
Вот отслужат они...
Над землей
Загорелась звезда,
Пятилучно — звезда
Над могилою братской.

Загорелась звезда...
Сколько их по родной-то земле!
Сколько их повзошло
На военной
На пахоте жуткой...
Из солдатских сердец
Пробиваются звезды во мгле —
Так земля выдыхает

На свет
Стебелек незабудки.

Так зерно, погибая,
Из мглы выдыхает росток
И с любовью, и с верою
В празднество жизни.
И от звездочек алых
Зарю разжигает восток.
Знать, не зря
Краснозвездной
Мою называют Отчизну.

Свет струится землей,
От бесчисленных звездочек свет.
От звезды над могилою
Там,
Где проходит граница.
И уходит наряд,
Вдоль границы печатая след,
Отблеск красного света
Не тает
На замкнутых лицах...

ШТОРМ

Океан-забулдыга бузил,
Закипая злобливо и бражно.
В ночь
 понес он валы через баржу,
И захлопал надрывно буксир.

Ной библейский
 в дождевике,
Баржевой принял вахту. А в кубрике
Я мотаюсь — по противню бубликом —
На широком своем рундуке.

Крик неистовый поднял меня!
Я наверх — под огнем из окопа —
Вырываюсь в стихию потопа,
Вижу: прыгает точка огня.

Что стряслось — не пойму...
 Только вдруг
Тишина отделилась от шума,
И во мне, как в задраенном трюме,
Непривычно отчетливый стук.

Огонек на носу — баржевой...
Вдруг доходит: буксир перетерло!..
Не кричу — перехвачено горло,
Накрывает волна с головой.

И впервые тогда, на краю
Жизни розовой, в лапах бесчинства
Первобытное чувство

песчинки

Оцарапало душу мою.

И прерывисто с хрипом дыша,
Я, цепляясь, ползу к баржевому,
К огонечку на баке живому,
Чтобы рядом — живая душа.

Машем, машем мы в ночь фонарем,
Но все дальше от нас катеришка.
И старик во всю мочь матерится,
Поминая святых недобром...

С той поры, не кляня, не виня,
Флот оставил я

несамоходный.

И как будто бы к жизни свободной,
Потянуло к машине меня.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

I

Удар подземного титана
Вдруг потрясет земную твердь —
В душе дремучей океана
К неистовству проснется зверь.

И вот, косматый, с маху рухнет
На берег в ярости своей —
И не спасет глухая бухта
Судов, доверившихся ей.

И по реке пройдет жестоко
Его напорная волна.
И станет с устья до истока
Вода речная солона...

II

Не толчок был, а так, сотрясенье,
Не основ, а посуды в столе,
Недостойное

опасенья

И отметки на балльной шкале.

Но, однако, никак не ложится.
Всеми площадками лязгнувший быт
Вдруг заставил

насторожиться,

А собаку — по-волчьи завывать.

* * *

Наступила пора листопада,
Паутинная вяжется нить...
На отцовской могиле ограду
Время самое мне обновить.

Молотком проверяю штакетник,
Крашу краской его голубой...
Ну, так с чем же пришел ты,
наследник?
Что там тянется вслед за тобой?

Но, о жизни не думая бральной,
Вспоминаю, задумчив и тих,
Как, любя, он ошкуривал бревна
И на плахи разделявал их.

И любил о текущем моменте
Переброситься так, между дел.
А когда он точил инструменты,
Я точило за ручку вертел...

Почему-то запомнился очень
Этот серый вертящийся круг.
Этот пот, заливающий очи...
Вырывается ручка из рук!

И топор, и железка к рубанку...
«Привыкай!»

Ну, а я-то молчу.
Шевелю я беззвучно губами,
Проклинаю его и верчу.

Но — привык.

Так привык, что поныне

Я нет-нет да почувствую вдруг:

Ломит руки, и горше полыни

Пот стекает, и — вертится круг!

И уже от него я завишу,

То он легкий, то снова тяжел.

Ну, а что на нем точат —

не вижу,

Кто с какою «железкой» пришел...

Знать, отец, обучал ты умело,

Память словом я не оскверню.

И когда я дойду до предела

И последних коней загону —

Не оплачу слезой неудачу,

А увижу — как есть молодой:

Солнце черное

кругом наждачным —

И так сладко засаднит ладонь...

...И уходя уже,
я наклонился
И различил — едва-едва — травинку:
Она, сгибаясь до земли,
держала
Огромную и солнечную каплю —
Наверно, берегла
для муравья...

И вот корабль
 стал фабрикою швейной.
Поэзию разрушил прозаизм!

Но девушки — веселые,
 как эхо,
Когда в горах смеется человек, —
Припали там к стрекочущим машинам —
И белые бегут упрямо строчки,
Как будто строчки
 белого стиха!

И вот что важно — я прошу заметить:
Спят люди, крепко спят.

 А в это время
Готовят вещи, нужные для них:
Рубашки,
 чтобы было в чем пойти
С любимой на веселый званый ужин;
Шьют распашонки розовым младенцам,
Капризным,
 как непризнанные гении;
Спецовки шьют на весь рабочий люд.
И девушки торопятся,
 как будто
К утру все нужно кончить,
 и тихонько
Обновки по квартирам разнести.

А утром
 в них оденутся шоферы
И станут развозить в автомобилях
Людей по магазинам и театрам,
Возить кирпич для новых школ
 и уголь —

И много дел прекрасных совершат
Шоферы,
 благодарно ощущая
Хрустящие спецовки на плечах.
И солнечные гордые младенцы
Обмочат благодарно распашонки —
Пока лишь этот способ им известен,
Чтоб выразить
 немыслимый восторг!

И так начнет идти от сердца к сердцу
По городу
 Большая Благодарность.
Так фабрика — активная молекула —
Реакцию цепную породит:
Добро о сердце высекает искру —
И для добра
 воспламеняет сердце.
И не было б реакции предела,
Когда бы черствых
 не было сердец!
Гнилых — и, значит, не способных вспыхнуть.
Так думал я об улице Гаражной.
Еще о том,
 какою благодатной
Планета наша стала бы для счастья,
Когда бы каждый жаждал за добро
Другого большим
 отблагодарить!

...А девушки не видят и не слышат,
Как благодарно
 я шепчу «спасибо!»,
И улыбаюсь, прежде чем уснуть.

СНЕГ

А. Рыбочкину

Набирает век
Разбег
В микромир и в космогонию.
Скоро станет даже снег
Философской категорией.
Снег...
Шаги, шаги, шаги —
Точно всхлипы под ногами.
Не ногами б,
 а руками...
Поиграли бы в снежки!
Ах, игра,
 игра,
 игра
Не по пра-ви-лам!
А снежки в руках
Оплавлены
До плотности ядра.
Вон филолог — ну, чудак! —
Морщит лоб под шапкой лисьей.
Бьет
Синоним легкомыслия —
У филолога...
Синяк!
Физик (галстучек — флажком),
Озорно блестя очками,
Вдруг коллегу «прочеканил»
Ядрышком!
Снег — вода?

Ерунда!

Снег из свежести и света...

Председатель

Горсовета —

И в снежки... Вот это да!

Председатель — человек!

...Будет день надежд и споров.

А пока

На спящий город,

На двадцатый сложный век

Сыплет снег,

Просто — снег...

* * *

Шла работа как по маслу.
В положении таком
Неожиданно погасла
Лампочка под потолком.

Недостоин отраженья
Случай этакий в стихах...
Может, просто
 напряжение
Подскочило в проводах?

Сотрясенье, может, было,
Неприметное на глаз?..
Ну, а лампочку —
 убило,
И в квартире свет погас...

И во сне мне бесконечно
Все мерцали из глуши
Лампочки —
 как человечки
С чудным светом из души...

Хоть и повод был ничтожен,
Толковал со знатоком
(Сам я больше
 с «искрой божьей»
В части света был знаком).

Объяснил все по науке
Мне электрик имярек.

Сколько разной мудрой штуки
Напридумал человек!

Пробки разные,
 и спрятал
Волосочек под стекло,
Чтоб светил он
 так приятно
Горькой темени назло!

А не то — вот все на месте,
С виду лампа — эталон.
Только что в ней толку,
если
Волосок не накален?!

Но электрик вдруг сердито
Сбил меня, сойдя на бас:
— Но ведь нету дефицита
Нынче в лампочках у нас!

Я ушел домой, сконфужен,
Рассуждая так и сяк.
Что-то был несладок ужин,
Не работалось никак.

Лампа новая блистала,
Излучая яркий свет.
А рука свое писала:
«Дефицита в лампах нет...»

* * *

Большая собака вчера умерла
На скатерти белого снега.
Сдох бобик — и все тут.

Такие дела.

Отлаял свое и отбегал.

Соседи враждуют.

Один на один

Схлестнулись бы, жажда отмщенья.
Так нет же!

Собаке с едою — стрихнин,
Отрава — «козлу отпущенья»...

Хозяин бесцельно бродил по двору,
Смурной, не подверженный плачу.
«Бог видит, — шептал он, — хотел по добру»
Склонялся над трупом собачьим.

А что предпринять — он не ведал того.
Но снег так скрипел непривычно,
Как будто в глубинах его самого
Орудовал кто-то с отмычкой.

Неужто восстал пресловутый тот зверь,
Исчадие темных инстинктов?
На слабых запорах колотится дверь,
Скрипуче, как снег под ботинком.

Доколе ей длиться, той страшной игре,
Все так же, как было извечно?..
А ночью выл пес на соседском дворе
И всхлипывал по-человечьи.

* * *

Как раньше я понять не мог,
Чего мне долго не хватало!..

Вот слышу —

прутья краснотала

Перебирает ручеек.

И пахнет лес над головой

Речною свежестью и смолкой.

Вот где-то вскрикнула и смолкла

Кукушка, скрытая листвой,

И на задумчивом ветру

Вяз древний шелестит былинно.

Жучок

по тоненькой былинке

Ползет — штурмует высоту...

— И как ты жил, — гудят шмели, —

Без этого, как хлеб, простого?

Без ощущения простора

И теплой близости земли?..

А так и жил, что мне тесны

Бывали сутки, как трамваи,

И все меня одолевали

Сомненья — смутные, как сны.

Теперь дано мне зачерпнуть

Тяжелой истины пробелов...

Дивлюсь:

как много нужно сделать

И сделанного зачеркнуть.

* * *

Поэзия, прости
Рабу его гордыню...
Синицею в горсти
Ты виделась доныне.

О, этот тяжкий труд —
И нет тебе покоя!
Подъем к вершине крут —
А что она такое?

Достать рукой светил —
На что дерзнул, о боже!..

Есть нечто, выше сил,
Но
головы дороже!

МОЛЧАНЬЕ

Люблю молчанье с некоторых пор.

К молчанию влечет неодолимо.

Оно ко мне нисходит,

словно с гор

Прохлада в утомленную долину.

А тоже ведь — святая простота! —

Спешил излиться и врагу, и другу,

Так, что в душе зияла

пустота,

Как в кружке, что прошла уже по кругу.

Представьте-ка: ни капельки на дне!

И помолчать-то не о чем — так пусто.

Вот поболтать бы!

А наедине

С самим собою оставаться грустно.

Но — наконец-то! — стал я замечать:

В душе скопилось под глухим покровом

То самое,

о чем могу молчать.

Что, может, и невыразимо словом...

* * *

Загостился.

Уехать уж мне бы...
Но отъезд оказался непрост:
Вдруг подернулось мороком небо
И завыл над поселком норд-ост.

И спросил я у «волка морского»,
Мол, надолго ль такие дела.
— До извода, — ответил, — терпенья,
Из Гнилого, вишь, тянет угла...

Из Гнилого...

А там над вершиной
Черный вихрь облаков колесил,
Точно к шабашу адской машиной
Дьявол черное тесто месил.

Что поделаешь? Парень-то сведущ...
Ну, а мать мне, подол беребя,
— Не горюй, — говорит, — ты уедешь.
Это мне горевать без тебя...

И еще, чтоб плохого не думал
И чтоб как-то облегчить мне путь,
Досказала:

— Уж как бы ни дул он,
Только солнышка ветру не сдуть.

По-старушечьи были наивны
Те слова...
Почему же тогда

В дни ненастья, под вьюги и ливни
Снова слышу я их сквозь года?

Отчего берегу их отрадно,
Если жизнь не подернута мглой?..
Может, есть и в судьбе нашей страдной —
Свой у каждого — «угол Гнилой».

Неучтенный в конторе Госстраха,
Он такое готовит тебе,
Чтобы все, что достигнуто, — прахом,
Только дрогни — и крест на судьбе.

Чтобы холод твоей неудачи
До бесчувствия выстудил грудь...

Только б верить,
Стеная и плача,
В то, что солнышка ветру не сдуть!

В САНАТОРИИ

Не могу разобраться,
В каком измеренье живу.
Начинает казаться,
Что все это — не наяву.

Эти зимние птицы,
Клюющие зернышки с рук,
Эти праздные лица
С утра и до ночи вокруг.

И застывший от века
Сквозной и заснеженный лес,
Эти искорки снега,
А может быть, манна с небес.

Словно я отгорожен
От бед и былых неудач...
До чего же здесь все же
Покойно и тихо — хоть плачь!

Даже бреюсь с опаской:
Из зеркала — ангельский лик...
Может, все это сказка?
А в сказке я жить не привык...

В. Русскову

Разговорились с другом,
И другу не в укор
Скажу, что на недугах
Сошелся разговор...

Хоть и крепки устои,
Не избежишь утрат.
Меж телом и душою
Наметился разлад.

Душа — она как птица,
Ей хочется в полет.
А бренное
 в больницу
За рученьку ведет.

И в этом виноватить
Кого? Зачем? И для?..
Местпром ли
 за кровати?
За небо — журавля?..

Борьба противоречий,
И жизнь на том стоит:
Покуда печень лечим,
Душа внутри болит.

Вот так поохотали,
Наговорились впрок.

Задумались — едва ли,
А в сердце холодок.

Неловко как-то стало,
Испорчен аппетит...
Душа бы не устала,
А то ведь — отлетит!

* * *

От зауми,
От споров об искусстве
В кругу друзей
За рюмкою вина,
Уйти домой,
Где парится капуста,
Где в хлопотах изводится жена.

Ей невдомек,
Чему ты рад, услышав,
По мере приближения к земле,
О том, что снова
Прохудилась крыша.
О том, что деньги
Кончились в семье...

ОТТЕПЕЛЬ В ЯНВАРЕ

На ясную графику улиц
Зима напустила туман,
Так странно,
 как будто, сутулясь,
В булгаковскийходишь роман.

Осколком реальности бывшей
Проносится тень воробья,
Скрывается тополь,
 проплывший
В свои молодые края.

И можно понять лишь по скрипу,
По лаянью труб выхлопных,
Что жизнь торжествует сокрыто
За строем деревьев лепных.

А город совсем обеснежел,
Ни прежних следов, ни примет...
Я жил здесь.

 А может, и не жил?
Любил... А быть может, и нет?

В сумятице полунамеков
Мне заново все открывать
И снова у брезжащих окон
Тебя, незнакомую, ждать.

И там, в эпилоге чудачеств,
Дарующих легкость руки,

Все прошлое
переиначить
И все развязать узелки.

Прекрасно!
Да только — опасно.
И оком циклопа в упор
Сквозь морось туманную
красный
Нацелен в меня светофор.

* * *

Отвергну прощенье и жалость,
К чему нам все это «кино»!
Верни только
 самую малость,
Верни мне мгновенье одно.

Чтоб мог я опять среди ночи,
Проснувшись в холодном поту, —
Как будто бы всех одиночеств
Тяжелую сдвинув плиту, —

В последнем усилии воли
Нащупать, дыша горячо,
Твое, дорогое до боли,
С тесемочкой узкой плечо...

* * *

Все вернется — позови...
Млечный вечер. Дебаркадер.
И к пристанищу любви
По реке бегущий катер.

Краток и неповторим
Близок миг, и ждет окрестность.
Только это тем, двоим,
Только им и неизвестно...

Равный жизни вспыхнет миг!
Слышишь — с губ слетело слово?
Или, может быть, родник
Так лепечет бестолково?..

Это — сладкая беда,
Это — таинство истока.
И горячая звезда
Вспыхнет ярко и высоко...

Сердце в памяти хранит:
Ночь. Бревенчатый поселок.
Ах, как бешено пьянит
Воздуха осенний солод!

Крепкое пожатье рук,
Осознание единства
У излучины разлук
В утро, хрусткое, как льдинка.

Повернула вспять река,
День хороший, словно «Здравствуй!»

(Солнце рукавом не застить
Ради света ночника!)

Снова будет, как тогда:
Над большой водой проточной
Женщина взмахнет платочком,
Чтоб вернуться навсегда...

* * *

Так долго и нудно
Всю осень дожди полоскали,
Что верится трудно
Нежданно открывшейся дали.

Так воды покойны,
Что даже не чувствуешь мощи.
Дорогой окольной
Прошел катерок-перевозчик.

Из хаоса смуты
Предзимние выплыли льдины...
В такие минуты
Мы, видно, с природой едины.

А мир необыден,
В нем что-то знакомо и ново.
И кажется — выйдет
На пляж опустелый корова.

И воду со свистом
Потянет под мерные вздохи...
Опавшие листья —
Следы отступившей эпохи.

Такое затишье,
Глубокое до онеменья, —
Как будто стоишь ты,
На стыке стоишь поколений.

И люди благие
Часы удивленно сверяют...

ПЕРЕВОДЫ

МОЕ ПРАВО

Ленин!

Сердце мое в волнении...

Как могу я писать о Ленине?

Кто мне право такое дал,

Если я никогда не видал

Ленина...

Может быть, научили отец и мать

Петь свободно меня,

словно степью скакать?

И с рожденья на свет подарили секрет,

Как прожить, чтоб душою не тлеть, а гореть?

Нет, я знаю, что, ноги свои запыля,

Черепашкой по жизни бы я ковылял,

Не звенел бы в крови

светлых песен поток,

Если б Ленин-бакши степняку не помог.

— Ты о нем напиши, — мне друзья говорят,

Не бывал еще

неблагодарным бурят.

Но не виделся с ним я — моя ли вина? —

И боюсь, не обиделся б он на меня...

Предрассветной Москвой я иду, восхищен,

Наш степной Ильичу передам я поклон.

Как на крыльях, на Красную площадь лечу!
Миллионная очередь нас к Ильичу.

Мавзолей...

Этот маленький мраморный дом,
А весь мир многоликий вмещается в нем!

Тихо мимо иду изголовья вождя,
Тише самого тихого степью дождя.

Он лежит, как живой, и сердечен, и строг,
Словно после трудов отдохнуть он прилег.

Мне сказать бы, что верен ему до конца,
Но боюсь разбудить дорогого отца.
Из прохладного дома его выхожу...

Я в народе об этом теперь расскажу!

Я обязан — перо, скакуном не спеши,
Сам же Ленин учил нас — великий бакши
Смелым песням!

И первая песня ему —
Всех дороже он сердцу, бурят, твоему.

* * *

Шли плечо к плечу мы сквозь невзгоды
И в сиянье дня.
Недосуг понять мне было: кто ты?
Кто ты для меня?

Друг или попутчица — не думал
В крутоверти дней.
Просто ты была мне в жизни домом
И рукой моей.

Хороша, но не сказать — красива,
Ласкова, нежна.
В жизни, как и должно, неспесива,
Потому — жена.

И порой, что рядом ты со мною,
Я не замечал.
Лишь твое отсутствие с тоскою
Остро ощущал.

А любовь! О ней мечтал немало,
Отливая в стих!
Только ты в нем вечно заступала
Имена других.

Словно бы любовь меня большая
В облака звала,
А сама, в обыденности тая,
Рядышком жила...

СОСТЯЗАНИЕ

Твой, природа, яснеющий лик
Так прекрасен рассветною ранью!
Голос твой в мою душу проник —
Начинается птиц состязанье.

Первым

 жаворонок степной,
Очарованный чувством восхода,
На высокой на ноте одной
Звон рассыпал над спящей природой.

Этот вызов звенящий приняв,
С вольной сцены — недалней опушки,
Как предчувствие, душу томя,
Задумшевно вступила кукушка.

И, вступив в голосов разнбой,
Переливчатым свистом над рощей
Песню утра повел за собой
Соловей с неожиданной мощью.

Кто когда этот хор оценил?!
Нет такому искусству предела.
Вот завистник — угод пестротелый,
Бесталанно свое забубнил.

Черный ворон спешит очернить
Песню чистую карканьем злобным,
Но, охрипнув с натуги утробной,
Замолкает. А песня звенит!..

Смолкли птицы, допев до конца,
Состязанье пора подытожить...
Мне по праву собрата — певца
Суждено эти песни продолжить.

Так хочу я — поэт, а не льстец —
Голоса их в мелодию сплавить!
И за то, что воспел мою степь,
В песне жаворонка восславить.

И кукушку, что ранней весной
Будит листьев зеленую стаю,
И соловушки голос родной,
Под который душа расцветает!

Я учусь пенье птиц понимать,
Чтоб мой голос — несильный, но честный —
Был нелишним в могучем оркестре,
Воспевающем Родину-Мать.

* * *

Отправляется поезд —
И вспять
Уплывает платформа в рассвет.
Эта станция названа
«Двадцать пять» —
По числу мною прожитых лет.
Попутчики спрашивают:
— Куда вы?
Я отвечаю им:
— В завтра...

МЯЧ И РЕБЕНОК

Катится мяч...
«Что ж ты стоишь?» —
Дразнит он малыша.
И вот уже начинает малыш
Первый в жизни шаг.
Мяч и ребенок — как бечевой,
Связаны прочно, навек.
Так же, как связаны
Шар земной
И ты, человек...

ТАРВАС

Как любят в степи с незапамятных пор
Кумыс и малый и старый,
Так любят арбузы у Ховдинских гор:
Арбуз — значит сладкий — тарвас...

Горянка потчует степняка —
Арбуз преподносит грузный —
И спрашивает,
смущаясь слегка:
— Любите вы арбузы?

Гость из степи отвечает тотчас,
Улыбкою смыв усталость:
Люблю я арбузы,
а также и вас
(У них ведь и «девушка» — тарвас).

* * *

«Холодно!» —
Слышится, словно — «беда!»
«Очень!» —
Другие вторят...
В мире бывают ли
Холода,
Чтоб холоднее горя?..

«Жарко!» —
Слышу уже с утра.
«Очень!» —
В полдень судачат...
Бывает ли в мире такая жара,
Чтобы любви
Жарче?..

* * *

Зимы до жестокости
 Правда проста.
 Молчанию нас она учит,
 Когда ледостав
 Замыкает уста
 И рек,
 И речушек певучих.
 Но знаю я реку,
 Что в жгучий мороз,
 Набрякнув тяжелою синью,
 Дышала стремниной,
 Гремела в утес —
 И были морозы бессильны.
 Как будто наказ был
 Природой ей дан:
 Быть голосом вечным Отчизны.
 Чтоб знали и мы:
 Никаким холодам
 Не выстудить яростной жизни!

ВЕРА

Подобная в ночи мгновенным,

млечным искрам,

Подобная огню, там, впереди, неблизко —
Надежда в мире есть.

Пусть светит огонек!

О, лишь бы он светил — пусть будет путь

далек

Но верящий в него к нему протянет руки —

И примет на пути все беды он и муки,

Без устали идя на тот далекий свет.

Пока надежда есть — ему преграды нет.

А что она ему, надежда, обещает?

Свободу впереди — как крылья за плечами!

Расцвет могучих сил — когда своим трудом

Добьется человек, чтоб полной чашей — дом.

И верьте, что тогда,

когда и счастье — в руки,

Все беды примет он, что выпадут, и муки.

Ему идти вперед — не гаснет дальний свет!

Покуда вера есть — ему преграды нет.

Что вера для него? А верой — счастье мерить!

В грядущее ему она откроет двери.

К нему любовь придет — и позовет в полет,

Из песен всех своих он лучшую споет!

И верьте, что, когда

любовь и песня — в руки,

Он примет на пути и беды все, и муки.
Ему идти вперед — не гаснет дальний свет!
Покуда вера есть — ему преграды нет.

Я верю сердцем всем в того,
кто верит в счастье!

И сам к судьбе большой народа
я причастен.

И веру ту во мне годам не сокрушить,
Надежды огонька дождям не затушить.

И потому в душе не робость,
но отвага,

И бродит кровь моя, как молодая брага!
И мне идти вперед — не гаснет дальний свет!
Покуда вера есть — и мне преграды нет.

* * *

Там, в стране полунощной
С песней снегов хомуса*
Есть луг с островочком-рощей
У Арыылааха мыса.

Люди пришли иные
В край тот, где даль сквозная...
Даже березки родные
Теперь меня не признают.

И коновязь деда истлела,
Что так влекла ребятишек,
И голос хомуса смелый
Давно уже там не слышен...

Должны ж сохраниться, однако,
Тропинка моя, к примеру,
Зарубки — дорожные знаки,
Мои у силков барьеры.

И дерево то на мысе,
Что, словно навек венчая
Мальчонку-якута с высью,
Ляльку мою качало.

Еще на зеленом пригорке,
Над бабушкиным прахом
Тот холмик,
 памятно горький.
Не верю, что он распахан.

* Якутский национальный музыкальный инструмент.

Неужто в житейском море
И песня любви прекрасной,
И материнская ласка,
И материнское горе —
Забвению все подвластно?

Но бродят в краю любимом
Думы под звуки хомуса
У мыса тоски неизбывной —
У Арыылааха мыса...

АЛГЫС*

Однажды в год
 ко мне
Тот сон нисходит свыше:
В музейной тишине
Алгыса плач я слышу.

Алгыс...
 Зачем твердить
С усмешкой: «архаичен...»
Умел добро будить
Он в душах и величье.

Любовь и песня с ним
В родстве от века тесном.
Словам его живым,
Как песне, в сердце честном
Дано взрастать.

 Просты,
Но, как любовь, могучи
В час горькой маеты
Они разгонят тучи.

Как солнце даль полей,
Взойдя, просветит сразу,
Так мудростью своей
Слова алгыса — разум.

* Благопожелание, благословение и соответствующий ритуальный обряд.

ПОДЪЕМ

Замер я — дрогнуло сердце:
Остановись!

В полпути на подъеме —
На печени грозной скалы.
Чучур Муран* надо мною
Уходит ввысь,
Итык Кюеля** воды внизу
Бурливы и злы.

Темя жизни —
Вершина Чучура сердце влечет,
Вниз погляжу —
Бездна захватит дух.
Сердце пылает —
Трезвый отринь расчет,
Мысли клубятся —
Одно выбирай из двух.

Не уподоблюсь
Каменному столбу,
Выбрал другую
По сердцу себе судьбу.
Время подточит —
Камень скатится вниз,
Ввысь подниматься —
В этом и есть жизнь!

* Гора вблизи Якутска.

** Священное озеро

Силы, земля моя, дай мне
Постичь высоту!
Чтобы открылся мне
Солнечный окоем,
Чтоб оценил и воспел я
Твою красоту!..
Ввысь подниматься —
В этом призванье мое.

МОРЕ

Вот оно, море, какое!

Оно — голубое,

Словно девчонки глаза, с чистотой божества
Ждущей кого-то светло, с потаенной любовью...
Мягкие губы невнятные шепчут слова.

Что-то, однако, с тайгой роднит его кровно.
В сопки поднимешься — дух перехватит!

Смотри:

Волнами ходят под ветром высокие кроны
Елей и пихт в освещенье вечерней зари.

Вон корабли — на снегу голубом кабанами,
И буруны — точно след остроносой башки.
И РТС по-медвежьи встает над волнами,
С рыбою трал выбирают на борт рыбаки.

Вынырнет солнце над далью туманной и тишью,
Рыжим тюленем качаться ему до поры.
Даже смешно:

мне припомнились игры мальчишьи —
Так же в Амуре барахтались мы от жары.

Море, мне песни тайги и понятней, и ближе,
Но породниться, я вижу, назначено нам...
Ах, как хочу пробежаться я, море, на лыжах
По серебристым, по снежно-кипучим волнам!

Виталий АМАРШАН
(Маршания)

РУЧЕЙ

Шагал я долго за ручьем,
Пока дошел до устья.
И вот, немало удручен,
Смотрю с невольной грустью...

Да, путь его нелегок был
До устья от истока.
О, как нещадно торопил
Его порыв высокий!

С таким упорством среди скал
Он пробивал породу,
Как будто к морю путь искал,
Искал большую воду.

Из чистоты содеян весь,
Берег свою прозрачность,
Как бережет горянка честь
Для ночи новобрачной.

Ни разу не передохнуть —
Ужасная работа!
И наконец закончить путь.
И впасть.

Куда?

В болото!

* * *

Век доживала старая ольха,
Прижавшись грузно к изгороди сада.
Не поднималась на нее рука,
Хотя давно срубить бы ее надо.

Но то, на что решиться я не мог,
Ночная буря весело свершила.
Я утром вышел — в сад наискосок
Ольха упала, обломив вершину.

Ех афасит!* О сколько полегло
Побегов юных под корявой тушей!
Вот яблонька... Вот вишенку смело!..
И проклял я себя за слабодушье.

* Абх., адекватно — «разбей гром», «черт возьми».

СОДЕРЖАНИЕ

Перевал	7
Чукотский дневник	10
Местный поезд	22
«Не раз испытанный ненастьем...»	24
«Как лучины, он строчки строгал...»	25
«Когда душою чувствуешь: устал...»	26
«Тоскуют руки по металлу...»	27
Амурск	28
Зоя. 13 октября 1972 года (репортаж)	30
«Живуча тяга к упрощенью!..»	41
Первый полет	42
«Плывем, как будто в день вчерашний...»	44
Ожидание	46
«Твои цветы поотцветут...»	49
«Человек седой, огрузлый...»	50
Встреча	51
«Где-то залпы били прицельные...»	53
Хроника памяти	55
Хлеб	60
«Когда от гари очищались дали...»	61
Плановик	62
«Только встретились — надо прощаться...»	64
Звезды	66
Шторм	69
Землетрясение	71
«Наступила пора листопада...»	73
«Оказался я рядом в порту...»	77
Стихи об улице Гаражной	78
Снег	81
«Шла работа как по маслу...»	83
«И мне бывало в жизни нелегко...»	85
«Большая собака вчера умерла...»	86
«Как раньше я понять не мог...»	87
«Поэзия, прости...»	88
Молчанье	89
«Березник желт, а клен калено красен...»	90
«Загостился. Уехать уж мне бы...»	91
В санатории	93
«Разговорились с другом...»	94

«От зауми, от споров об искусстве...» . . .	96
«Ах, этот упрек без причины!..» . . .	97
Оттепель в январе . . .	98
«Отвергну прощенье и жалость...» . . .	100
«Все вернется — позови...» . . .	101
«Так долго и нудно...» . . .	103

ПЕРЕВОДЫ

С бурятского

Цыдып Жамбалов	
Мое право . . .	107
Алексей Бадаев	
«Шли плечо к плечу мы сквозь невзгоды...»	109
Арсалан Жамбалон	
Состязание . . .	110

С монгольского

Долгорын Нямаа	
«Отправляется поезд...» . . .	112
Мяч и ребенок . . .	112
Тарвас . . .	113
Мишигийн Цэдэндорж	
«Холодно!..» . . .	114
Нямбугийн Нямдорж	
«Зимы до жестокости...» . . .	115

С якутского

Семен Данилов	
Вера . . .	116
«Там, в стране полунощной...» . . .	118
Алгыс . . .	120
Леонид Попов	
Подъем . . .	121

С нанайского

Андрей Пассар	
Море . . .	123

С абхазского

Виталий Амаршан (Маршаниа)	
Ручей . . .	124
«Век доживала старая ольха...» . . .	125

Асламов М. Ф.

А 90 Пристрастие. Стихи. Хабаровск, Кн.
изд., 1973.

128 с. 10000 экз. 41 коп.

Стихи о людях-тружениках, о поэзии труда, о духовном богатстве современников.

7-4-2

25-73

ДВ Р2

Михаил Феофанович Асламов

ПРИСТРАСТИЕ

Редактор *П. Н. Богоявленский*

Художник *В. А. Смирнов*

Художественный редактор *А. В. Колесов*

Технические редакторы *Л. В. Медяник, Л. И. Шишкина*

Корректор *Л. М. Завьялова*

Сдано в набор 5/II 1973 г.

Подписано к печати 19/III 1973 г. ВЛ 10139.

Бумага типографская № 2. Формат 70х90/₃₂

4,68 усл. п. л., 3,92 уч.-изд. л. Тираж 10 000 экз.

Заказ № 1289. Цена 41 коп.

Хабаровское книжное издательство

Государственного комитета Совета Министров РСФСР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли,
г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

Типография № 1 краевого управления
издательств, полиграфии и книжной торговли,
г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

41 коп.

Хабаровское
книжное
издательство
1973

